

П. ГОРДИЕНКО

Р2
Г682

цена 27 коп.

Нанзабаш

комсомолу
ойротии

ПОГАЖЕНО

новосибирок—запсиботделение 1932

242756

Инд. 1953

Петр Гордиенно

БССР
Дзяржаўная бібліятэка
імя В. І. Леніна
№ 15798

447

Канзабаш

комсомолу
ОЙРОТТИ

ПОГЛЯДЭНО

новосибирск запсисботделенио 1932

Чакырская долина в Ойротии — как зеркало в горах. Все видно. Не скроешь от взгляда ни одной точки. Ровная. Безлесная. Купается в Мареве розоватой пыли.

На горизонте голубые завесы Коргонских и Талицких хребтов. У их подножья прозрачный, как стекло, Чарыш. Ближе разбросаны холмы с причудливыми очертаниями скал. Их отвесные глыбы, бурые и свинцово-серые камни россыпей покрыты лишайниками, ржавыми пятнами мха, нежной зеленью мясистых пучков заячьей капусты.

Склоны холмов пестрят мелкими кустарниками, изумрудными узорами трав, шелковистым отливом ковылей, огненными полянами алтайских цветов — кызыл чечек.

В долине по вечерам айлы курятся тонкими дымками.

С гор спускаются волнистые стада овец. Их блеяние далеко разносится в вечерней дреме. Они чувствуют близость ночевки. Прибоем шумит тогда Чакырская долина.

За овцами медленно выступают, пережевывая жвачку, коровы. В водоемах коровьих глаз сытость.

Табун коней игриво перебегает дорогу. Жеребята кружат по долине хмельную радость простора. Снуют петли причудливых движений. Далеко слышно молодое ржание.

Сквозь сетку поднятой пыли, видны фигуры, всадников пастухов. Как клевот большой птицы — Каан кэрэдэ, несется их гортанная песня.

Кок боронын дял алтын,

Кор["]ушкенин кос алтын,

Ак боронын дял алтын,

Айдышканын сос алтын.¹

Звук долго висит в вечернем воздухе.

На брошенные слова песни четко отзванивает эхо:

Ак боронын дял алтын,

Айдышканын["] сос алтын.

Самые лучшие стада в Чакыре принадлежат сыну из-

---

¹Голубо-сивого коня грива золотая,
Встретившегося друга глаза золотые,
Бело-сивого коня грива золотая,
Говорившего друга слова золотые.

вестного бая Япе Аргымаеву. Он получил в наследство от старика отца лучшую часть хозяйства и сумел еще умножить свое богатство. Больше двух тысяч овец гуляет в его табунах. Сотни полторы голов крупного рогатого скота. Отборные лошади радостью заливают сердце Япы.

Япе всего двадцать четыре года.

Он проворнее и хитрее других. Ему завидуют чарыкские баи. Когда он заходит к ним в аил, его встречают, как дорогого, почетного гостя.

У Япы много батраков. Он обращается с ними, как со своей вещью, и презирует их как собак.

Япа никогда не сравнит себя со старым болтуном Брысом, работавшим всю жизнь по найму у его отца. Он с безразличностью смотрит, как жадно ловит слова Брыса оборванный подпасок Бок¹.

О чем им разговаривать?

— Эй, ты, сопливый канзабаш!² Будет бездельничать! Ступай в свое логово, завтра чуть свет поедешь отыскивать пару овец, потерянных старой собакой Брысом! Если не найдешь, обоих вас выгоню, как негодных лентяев!

— Вот так всегда, — ворчит Брыс.

— Баи не любят, когда им не оказывают уважения. Они найдут причину обвинить пастуха.

— А ты разве потерял овец? — спрашивает Бок.

— Нет, овцы в моей отаре все. Это его выдумка. Он ищет предлог, чтобы уменьшить плату. Всю жизнь у меня отбирали заработок, когда приходило время расчета. Баи не хотят платить за труд. Их богатство держится на нашей нищете. Они обкрадывают пастухов каждый день.

— Я не поеду искать овец, — говорит Бок. Он встает. На ходу бросает привычную фразу Брысу — эзен болзын³! и, шаркая огромными отцовскими стоптанными кисами, уходит в свою юрту.

Боку всего шестнадцать лет.

В его голове бродят беспокойные мысли, на которые он

¹ Бог—значит кал. Часто позорные имена-клички даются детям батраков. В этом сказывается презрительное отношение баев к беспорядочному батрачеству, являющемуся для них предметом эксплуатации.

² Канзабаш—презрительное название — „голова-трубка“, соответствующее русскому слову „чубук“.

³ Эзен-болзын—до свидания.

не находит ответа. Он не учился грамоте. Ему завидно слушать рассказы чакырских комсомольцев о больших городах. Бок не знает, что такое город. Он не был дальше Чакырской долины. Но ему до боли хочется знать все.

Встречаясь с ребятами комсомольцами, он стыдится своей неуклюжести. Может быть Япа прав, называя его «канзабаш». Разве он годится на что-нибудь, кроме тяжелой, унижительной батрацкой работы.

Он смотрит на обрывки своей одежды. Тербит жесткую, загнутую крючком на затылке косичку — кейдеге. Он весь поглощен засевшей в мозгу неотвязной думой.

После того, как Япа бросил обидное прозвище Боку, он все чаще стал заглядывать на комсомольские собрания. Через полгода Бок научился читать.

Было смешно смотреть, как морщится его лоб от напряженных усилий понять прочитанное слово.

— Бу кандый сес¹? — спрашивал Бок, добиваясь разъяснения всякого нового для него слова.

Так день за днем расширялся его кругозор.

Находясь с овцами в горах, Бок выводил на каменных плитах потешные каракули надписей. Потом он гнал стадо в долину и пел радостные песни.

На другой день, когда он возвращался на то же место, с ним разговаривали камни языком шершавых букв.

Лучшим из комсомольцев был секретарь ячейки Буландаш.

Он был немного старше Бока. Он также прежде работал батраком у Япы. Потом учился на курсах, был юртачом, ликвидатором неграмотности, заведывал библиотекой и считался самым грамотным парнем в Чакыре.

Тесная дружба спаяла обоих ребят. Многому научился Бок от Буландаша. Теперь легче было ему находить ответы на мысли, возникавшие в его вихрастой с черной косичкой голове.

Осенью Бок вступил в комсомол.

На мохнатых лохмотьях его одежды, как капля крови, заалел значок с надписью «КИМ».

Подошло время областной комсомольской конференции. Чакырские ребята настойчиво добивались в аймаке, чтобы

---

¹ Это какое слово?

послать на конференцию Буландаша и новичка комсомольца Бока. Это им удалось.

В областном центре Бок сразу обратил на себя внимание. Он среди сотни ребят оказался самым оборванным и самым молчаливым.

Точно звереныш, Бок забивался в дальний угол и оттуда поблескивал пытливыми роскосинами улыбающихся глаз. На расспросы Бок также отвечал улыбкой и каким-нибудь односложным словом, означавшим утверждение или отрицание.

Слушая докладчиков, Бок с жадностью впитывал новые слова, новые мысли, новые задачи, поставленные партией и комсомолом. Как раскаленный песок поглощает влагу, так жадно поглощал Бок то новое, что впервые перед ним открылось. И ненасытно было его желание понять всю мудрость ленинского учения.

На конференции говорили о пятилетнем плане великого строительства, о грандиозных задачах создания фундамента социалистической экономики, о выкорчевывании корней капитализма, о наступлении по всему фронту, о социалистическом соревновании и ударничестве.

Говорили об индустриализации страны, о реконструкции сельского хозяйства, о путях развития колхозного и совхозного строительства, о колебаниях и неверии в победу социализма со стороны правооппортунистических элементов и о троцкистской буржуазной теории, в основе сводящейся в невозможность построения социализма в одной стране.

Все это Бок старался запомнить, чтобы на деле доказать свою способность бороться за ленинское учение, за генеральную линию коммунистической партии, за социализм.

Во время перерыва Бок смущенно пытался заговаривать с отдельными комсомольцами.

Когда ребята узнали его имя, а также разглядели на затылке скрученный жгутик косы, поднялся шум:

- Вы слышите, у него имя Бок!
- Его бай в Чакыре называют еще «канзабаш»!
- Какая позорная кличка!..
- Не гожже комсомольцу носить такое имя!..
- К чорту!.. Долой издевательство!.. Это проделки бай-

ских прихвостней, камов и ярлыкчей...¹ Надо решительно ломать старые традиции... внедрять революционный быт... расти к новому, а не тянуться назад.

— Правильно, даешь новый быт!

— Ребята, назовем его по имени Маркса Карлом.

— Даешь!..

— Карл... Карл!..

— Пусть будет наш ойротский Карл.

— Надо заодно и косу у него отцепить... как ты смотришь на это, Карлуша?..

— Якши... Кем ек².

— Девчата, тащите ножницы!

Под общий смех и говор задорно щелкнула сталь. Наступила минута торжественного молчания. Оператор высоко поднял традиционный пучок волос. Покрутил им в воздухе и передал в руки улыбающемуся Карлу.

Обратно в Чакыр Карл ехал обновленным. Он чувствовал, что в его жизни наступил перелом. Одна теперь забота у Карла — оправдать имя, полученное в комсомоле.

При встрече с Япой он решил не уступать. Он не будет прежним покорным Бокком, выслушивающим язвительные насмешки богача.

Когда Карл показался в аиле, Япа послал за ним старого Брыса.

— А-а... Бок!.. — с презрительной насмешкой процедил Япа. — Так вот как ты слушаешь хозяина!.. Ах ты, червивый хвост!.. Керемес³!.. Канзабаш!.. Пускай тебя лягнет сильнее небо! Ты у кого работаешь?.. У меня или в комсомоле?.. Я тебе плачу деньги или комсомол?.. Знаешь ты, что если я прогоню тебя, сенторлоп олдеринг, ийт! (Ты с голоду подохнешь, собака!). Это все Буландаш тебя сбивает с толку. Видно, ты хочешь стать таким же шалопаем, как он. Э-э, Бок! Плохой из тебя работник!

— Мое имя Карл, — ответил подпасок. — Я такой же человек, как ты... Тебе никто не давал права ругать меня... Если ты не хочешь, чтобы я работал у тебя, я могу уйти.

— Что ты сказал, Бок? Как ты смеешь со мной разго-

¹ Служители религиозных культов шаманизма и бурханизма.

² Хорошо... все равно.

³ Нечистая сила.

варивать так! Ах ты, гнилой обрубок!.. Дохлая ты собака! Пошел вон из моего аила!

— Слушай, Япа, ты зря распустил язык... Как бы тебе не укоротили его... как бы кто не наступил на твое байское брюхо!.. Ты забыл, видно, что у нас советская власть, что у нас есть закон, которому учил Ленин... Этот закон никому не дает права так обращаться с людьми, как ты обращаешься. Тебе не мешало бы это помнить.

Япа позеленел от злости. Он не в состоянии был продолжать разговор. Его глаза налились кровью. Он, как бык, готов был броситься на дерзкого «казанбаша», вцепиться ему в горло, рвать его тело на клочки, показать силу могучего человека, властелина в Чакрыре.

Но он этого не сделал. Он достаточно хитер и знает, когда ему невыгодно действовать прямо. Он владеет собой настолько, что сумеет не выдать своих мыслей.

Карл чувствовал себя победителем. Он первый раз в жизни стоял не сгибаясь перед хозяином и дерзко смотрел ему в глаза. Потом он медленно повернулся к выходу, оттолкнул ногой дверь юрты и вышел на улицу.

Вслед за ним показалась сгробленная фигура старого Брыса. Он догнал подпaska, положил ему руку на плечо и шелестящим, как высохшая трава, голосом сказал:

— Ты правду молвил, Карл... горькую правду пастухов... она не по вкусу Япе... Но ты бойся этого зверя... он может укунить... больно укунить... как бы он не убил тебя... Берегись, Карл!

— Эх, Брыс! если бы ты был моложе, ты бы носил значок «КИМ'а». Ты бы знал, как нас много... Нет, Япа бессилен повредить комсомолу. Он убьет одного-двух, а миллионы комсомольцев будут продолжать работу, будут помогать партии Ленина строить социализм, ликвидировать кулачество и байство, как класс!..

— Может быть, ты прав... Я старик... у меня помутнели глаза... я уже не вижу того, что может видеть твой молодой ум, но я хотел бы носить такой же значок, как у тебя, Карл.

— Я выполню твое желание, возьми это, — Карл отцепил и подал алый, как кровь, значок с тремя золотыми буквами. Будь почетным комсомольцем... борцом в наших рядах... ты

этого заслуживаешь, Брыс. Сохрани на память обо мне этот подарок.... Если случится, что Япа убьет меня, ты сумеешь отомстить за своего друга... Так ли я говорю, Брыс?

— Так, Карл!.. Старый Брыс навсегда останется верным пастухом комсомола.

— Ну, прощай, Брыс!.. Эзен болзын!.. Пускай Япа ищет другого работника.

★

Наступила зима.

Карл работал сельским исполнителем, получая за свой труд один рубль в месяц. Деньги ему платил родовой демичи¹, которого общество выбрало исполнителем, но демичи на этой непривлекательной работе не хотел ронять достоинство якшиллара². Вместо себя он нанял Карла.

Тяжело жилось бедняге Карлу в эту зиму. Иной раз ему приходилось ложиться в холодной юрте голодным, у него не было денег даже на то, чтобы достать ломоть сухого сырчика—курут.

Самой большой радостью для Карла было время, когда ему удавалось встречаться с Буландашем. Тогда они вместе читали книги, спорили, горячо обсуждали последние газетные новости. Все это открывало перед Карлом огромный размах строительства в пролетарской стране. Его манила новая жизнь, новые заводы, новые города. Он чувствовал, какая могучая сила в руках рабочего класса. Эта сила называется диктатурой пролетариата. Он знал, что там, далеко, за Чақырской долиной иная жизнь. Там партия Ленина закладывает фундамент социализма, кует будущее для всех народов. Там комсомольцы активно помогают партии.

Если бы они знали, как тяжело живется комсомольцам Чақыра!

Карл думал: «Надо переделать жизнь в Чақыре. Заставить людей пойти по новой дороге... подорвать байское могущество... уничтожить нищету, безграмотность, страшную дикость и запустение кочевого быта».

Они с Буландашем решили использовать предстоящие перевыборы советов. Развернуть агитацию за колхозы, за переход на оседлость, за постройку школы. Обновить Ча-

¹ При родовом управлении помощник зайсана.

² Почетный человек.

кырский совет избранием таких людей, которые будут бороться за дело партии и советской власти.

В кандидаты наметили старого батрака Брыса, Буландаша, комсомольца Кондючи Тоқысова, несколько бедняков и середняков активистов. Обсудили этот вопрос на собрании комсомольской ячейки. Договорились крепко стоять за своих кандидатов.

Карл целыми днями теперь бегал по аилам. Предупреждал о дне собрания. Разносил повестки.

Кое с кем он вел разговоры о предстоящих перевыборах и о тех кандидатах, которые нужно избирать в совет.

Стоял апрель.

Весеннее солнце заливало жгучими лучами Чақырскую долину. Исчезли последние остатки снега.

Обитатели аилов выходили на солнцепек и в дремотной истоме отогревали тело, заоченевшее в зимней стуже. Детвора наполняла окрестность веселым гамом.

По старой ветоши бродили стада. В их жалобной переключке чувствовалась тоска о первой зелени. На ближнем болоте появились цапли.

Япа с большой осторожностью выведал намерения комсомольцев.

Жгучая ненависть зажгла его глаза холодным блеском. Он приготовился к бою.

Он стал действовать испытанными средствами: подкупом, религиозным дурманом, сеянием вздорных слухов, нелепыми пророчествами, волновавшими умы.

Япа никогда не был так щедр, как в эту весну.

Он роздал беднякам под отработки больше сотни баранов. Целую неделю поил аракой камов и ярлыкчей, готовя из них агитаторов и помощников в будущей схватке.

Перед самыми выборами Япа затеял невиданный той¹. Он созвал все население Чақырской долины.

В пестрых одеждах и праздничных нарядах съезжались к Япе люди на званный пир. Мужчины и женщины ехали верхами, нагруженные большими кожаными ташаурами с аракой². Тут же сидели дети, а самые маленькие из них пи-

¹ Пир. Гулянка. Свадьба.

² Арака—хмельной напиток из молока, полученный путем перегонки. Ташаур—кожаная посуда, в которой хранят и перевозят жидкости.

ПОГАЩЕНО

щали за спинами матерей, выражая недовольство крепкими ремнями, скручивавшими их слабенькое тельце.

Чегедеки женщин¹ горели на солнце яркими блестками мишуры, белыми рядами перламутровых пуговиц, костяными шариками, лоскутами дешевого бархата. Из-под меховых шапок по сторонам выбивались черные волосы с заплетенными в них связками тяжелых ракушек — дяламаш.

Толпа располагалась живописными группами вокруг айлов.

Каждый вновь приезжающий заходил в юрту Япы, низко кланялся хозяину, обменивался с ним установленными приветствиями. Рассказывал табыш² и, закончив эту несложную церемонию, уходил отыскивать своих хороших знакомых.

Когда приезжие гости заняли все поле вокруг айлов, камы и ярлыкчи приступили к заклинанию духов гор, тесев покровителей, ару керемесей, бурхана и злого кровожадного Эрлика³.

Два религиозных течения — бурханизм и шаманизм, призванные на службу интересам байского могущества, объединились для общего действия.

Ярлыкчи, противники кровавых жертв, курили вереск, расплескивали потко, саба, араку⁴. Читали длинные молитвы, прославляющие Бурхана и испрашивающие от него всякие милости:

«С лесами и камнями наш Алтай.

«Будет ли милость на нашу голову?

«Будем ли жить мы не умирая?

«Сумасбродный народ оградишь ли?

«Отец наш Бурхан-огнепалитель,

«Золотою плетью замахивающийся,

«Будет ли счастье наше не прерываться,

«Чтобы народ не терял голову,

Чтобы пуповина не загрязнилась,

«Чтобы глаза наши не слезились....

После религиозного обряда бурханистов, Япа распоря-

---

¹ Чегедек — верхняя одежда замужней женщины.

² Табыш — новость, передаваемая при встрече.

³ Божество в представлении шаманистов и духи, творящие добро и зло человеку.

⁴ Из ячменя изготовляемое жидкое толокно для жертвоприношения и молочная водка.

дился зарезать десятка полтора баранов. Прошло несколько минут и в котлах заклокотало варево на все количество приезжих гостей.

В стороне от юрт, где рассыпался черный курумник с корявыми лапами догнивающих тней, где густо порос шиповник — тогонок, те, кто верил камам, приносили в жертву пять одномастных кобылиц из табунов Япы.

С вывернутыми конечностями животные храпели, содрогаясь в последних предсмертных судорогах.

Камы, пьяные от выпитой араки, бешено колотили в бубны, изрыгая зловещие пророчества.

Той удался на славу, все шло так, как хотелось Япе Аргымаеву.

В разгар веселья, когда большинство ташауров было опорожнено, к юрте Япы под'ехал пастух.

Он слез с лошади, отыскал глазами хозяина и, подойдя к нему на почтительное расстояние, сказал:

— Сегодня утром волки зарезали в твоём стаде пять ягнят и одну матерую овцу. Старик Брыс послал меня сообщить тебе об этом.

— Мое стадо охраняют пастухи, — пьяно огрызнулся Япа, — как могут волки резать моих овец? Вы их украли и обманываете хозяина, сваливаете вину на волков. Может быть есть такие дураки, которые согласятся поверить вам, а я, как от воров и обманщиков, возьму с вас то, что потеряно, высчитаю из вашего заработка.

— Ты хочешь заставить нас работать даром? Так знай же, Япа, это тебе не удастся. Мы пойдем к Буландашу. Он напишет бичик-бумагу и ты заплатишь все, что мы заработали.

Хмель выпитой араки ударил в голову Япы. Он вскочил с места. Медвежьей охалкой вцепился в стоявшего перед ним батрака. Зубы блеснули звериным оскалом. Дикое рычанье прорезало степь. Лошадь пастуха рванулась и, освободив повод, испуганно шарахнулась в сторону.

Кто-то из пьяных гостей схватил у юрты тяжелый лиственный обрубок, размахнул им в воздухе и со всего плеча опустил на голову пастуха. Хряснул череп. Пастух упал и пыль оделась кумачом крови. Из зиявшей раны потекли

сгустки серого мозга. Открытые глаза остановились. Смертельным ужасом повеяло от их застывшей неподвижности.

Среди оторопевших гостей, прокатился ропот. Заволновались женщины. В черных щелках детских глаз появился страх.

Люди, встревоженные неожиданным убийством, спешили покинуть проклятое место.

Подошел день выборов в советы.

Из аймачного центра приехал уполномоченный. Комсомольцы наперебой спешили рассказать ему последние новости.

— Слышали, у нас кулаки-баи начинают верх брать, — заявил Буландаш.

— Недавно на тое батрака убили. Надо нам не допустить их в совет, а то совсем житья не будет.

— Товарищ уполномоченный, первым делом надо лишить их права голоса, — вставил Кондючи Токысов.

— А за убийство арестовать кое-кого... Япу Аргымаева, как главного зачинщика, в тюрьму посадить, — дополнил Карл.

Но аймачный уполномоченный не оправдал надежд комсомольцев. Он оказался чрезмерно осторожным человеком, зараженным оппортунистическими настроениями. Это сказалось в первых же его словах.

— Ну-ну, так уж сразу в тюрьму... приткие вы больно... Тут нужна осторожность... рассудить, как следует, что и почему... С вами таких загибов наделаешь, что после и не оправдаешься. Вот и насчет убийства... Ежели тут классовость налицо, тогда конечно... а ежели, предположим, обоюдная драка, тогда как? Тут надо по суду разобраться.

Оно точно, что на кулака мы должны наступать, об этом разговоров быть не может, потому что он классовый враг. А вот как на него наступать — это еще вопрос. Тут надо вникнуть поглубже. Подождем собрания. На собрании все выяснится. Масса, она, брат, покажет. Ее не проведешь.

Уполномоченный ничем не помог комсомольцам организовать перевыборы совета.

На следующий день под окнами затерявшейся между юрт полуразрушенной избенки, в которой помещался сельский совет, проходило избирательное собрание.

У стены стоял деревянный стол. За отсутствием красного материала, для большей торжественности он был покрыт пестрым половиком.

Избиратели алтайцы раскинулись полукругом на земле. За столом сидел секретарь сельского совета.

Уполномоченный, любивший размахистые движения, стоял сбоку и держал речь к избирателям.

Он потрясал руками, делал свирепое лицо, в пылу ораторского восторга перебегал с места на место, кому-то грозил, пересыпал свою речь громкими, пустыми и непонятными фразами. Он совершенно забыл, что слушатели почти ни слова не понимают по-русски. Его длинная речь утомляла и раздражала своей пустотой. Это был образец тех ораторов, которые на любом собрании по любому вопросу могут кричать громкие фразы, а на практике действуют с опаской, плетутся в хвосте отсталых настроений, служат рупором классового врага, — таких партия называет правыми оппортунистами.

Когда он кончил, собрание облегченно вздохнуло.

— Теперь, граждане, перейдем к выборам, — объявил секретарь, — которые лишены голоса, просьба удалиться.

Сидящие переглянулись. На приглашение удалиться никто не поднялся, не ушел.

— Как, значит, избирать будем, списками, али персонально? — задал вопрос уполномоченный.

Собрание безмолствовало. Затянувшаяся пауза вызвала неловкое ожидание.

— Что же, давайте ваши предложения, — начал секретарь, — перед товарищем уполномоченным надо активность проявить, а вы ровно воды в рот набрали.

— Каждый сүмэ деп бар?¹

Коротко перевел предложение старый друг Япы, Ойтон.

— Мен куучин айдарым², — сказал Карл.

Он подошел к столу:

— Я хочу предложить список от имени комсомольской ячейки.

---

¹ Какие будут мысли на счет перевыборов.

² Я буду говорить.

Он назвал Брыса, Буландаша, Кандючи, Тоқысова и целый ряд других кандидатов.

— Мы считаем, — продолжал Карл, — что эти товарищи, если будут избраны членами сельсовета, сумеют стойко защищать интересы бедноты, они не позволят кулакам-баям безнаказанно эксплуатировать батраков и расправляться с ними, как им вздумается. Они ускорят организацию колхозов, поднимут грамотность, добьются перевода всего населения на оседлость. Мы за то, чтобы совет стал штабом нового социалистического строительства.

Баи тщательно подготовились к бою за своих кандидатов.

Вслед за Карлом выступил Ойтон.

— Бок хорошо говорит, — начал Ойтон, — только людей он назвал не тех, которых надо выбирать. Управлять общественным хозяйством трудное дело. Здесь нужен большой опыт. Разве может с этим справиться Брыс? Он старик. Он всю жизнь прожил и не сумел сколотить своего собственного хозяйства. К тому же он неграмотный. Что он понимает в том, как надо строить школу? Нет, Брысу остается лежать в юрте, рассказывать сказки ребятам, да отогревать у костра свои старые кости. Что касается других кандидатов, так мне кажется, им не мешало бы научиться хотя бы тому, как убирать сопли из-под носа. Какие они строители? Кто поручится, что их строительство не ляжет нам на шею? Я думаю, у нас найдутся люди, которым можно доверить общественное дело. Взять хотя бы Япу Аргымаева, кто о нем скажет что-нибудь плохое?

— Он кулак-бай!

— Он эксплуатирует чужой труд.

— Его руками убит батрак, — раздались возгласы комсомольцев.

— Это неправда. Япа не лишен голоса. Он такой же гражданин, как и все другие, кто находится на этом собрании. У него образцовое культурное хозяйство.

А батрака неизвестно кто убил. Это случилось во время тоя. Народ был пьян. Началась драка и в общей схватке погиб человек. Разбирать дело приезжал следователь. Он не нашел виновника. Таких законов нет, чтобы судить все общество, участвовавшее в тое. Япа тут не при чем. Я пред-

лагаю выбрать его в совет, чтобы наши общественные дела были лучше, чем в других урочищах аймака.

— Чин-чин!.. Дярар кижжи!¹

Раздались голоса байских подкулачников и подпевал в разных концах собрания. За Ойтоном говорил бывший демичи. Он поддержал все сказанное предыдущим оратором и со своей стороны выставил Ойтона кандидатом в совет.

Назвали еще несколько имен. В большинстве это были сторонники Япы. Так появился второй список.

Начали голосовать.

За список комсомольцев подняли руки батраки, несколько бедняков и середняков алтайцев. Большинством оказались избранными кандидаты второго кулацкого списка.

Баи торжествовали победу. Тут же вновь избранный состав совета утвердил председателем Япу Аргымаева.

Уполномоченный был доволен. По его мнению, все обошлось хорошо: успех был налицо, совет избран и ничего не случилось. Подводя итоги, он констатировал:

— Активность масс возросла. Показателем служит сознательность и единодушие чакырских граждан. Взять хотя бы выбора — их можно провести и так и этак. Тут все зависит от того, как руководить. Ежели, предположим, разжигать ненависть, тогда, конечно, такую бузу разведешь, что потом жизни не рад будешь. Этак-то лучше, спокойнее, никакой свары и неудовольствия. Выбора прошли хорошо.

Комсомольцы дали другую оценку. Буландаш собрал ячейку и, указывая на провал своих кандидатов, сказал:

— Ребята, мы не должны успокаиваться. Приезжий уполномоченный оказался не нашим человеком, а прямым агентом и пособником баев. Надо его разоблачить. Добиться присылки партийной комиссии. Мы не можем относиться примиренчески к тем, кто нарушает генеральную линию партии.

Избранный совет является кулацко-байским. Он будет тормозить проведение всех мероприятий, которые осуществляют сейчас партия, и советская власть. Япа стал во много раз опаснее после того, как он пробрался к власти. Мы обязаны повысить нашу бдительность. Нам надо сейчас же кого-то послать в аймак². Рассказать о результатах выбо-

¹) Правильно, правильно! Подходящий человек.

ров. Добиться их отмены. Потребовать присылки людей, которые бы провели среди населения разъяснительную массовую работу, рассказали, что советы не могут превращаться в органы кулацкой власти.

— Придется тебе поехать, Буландаш, — сказал Карл, — ты лучше объяснишь. Тебя послушают. А если не добьешься толку, тогда надо ехать в областной центр.

— Ну, что же, я согласен. Будем драться до конца!

☆

В аймаке отнеслись к сообщению Буландаша недоверчиво. Уполномоченный рассказал совершенно другое о пере-выборах совета в Чакрыре.

Секретарь аймачного партийного комитета был в отъезде. Ждать его Буландаш не стал. Заместитель говорил:

— Кто его знает, так ли все это... Надо будет проверить... Закончится кампания, тогда кого-нибудь пошлем... Сейчас работники заняты. А потом у нас есть сведения, что в Чакрырской ячейке комсомола не все ладно... загибаете вы, товарищи... совсем не хотите учитывать национальные особенности... Надо почаще согласовывать работу с аймачным руководством. Партийной ячейке в Чакрыре нет, поэтому на тебя, тов. Буландаш, как на кандидата в члены партии, ложится особая забота за воспитание и подготовку остальных ребят... Ты отвечаешь за выдержку и за проведение партийной линии среди чакрырских комсомольцев. Имей в виду, если что случится, с тебя спросим.

На другой день Буландаш вернулся в Чакрыр. Он рассказал о том, как его встретили в аймаке. Долго обсуждали этот вопрос комсомольцы. Решили не сдавать позиций. Договорились о новой поездке Буландаша в областной центр.

Собрание на этот раз закончилось поздно. Буландаш вышел из избы-читальни, где проводилось собрание, после всех.

Стояла, весенняя, задернутая голубоватой дымкой ночь. Горы в темноте как бы придвинулись и стали выше. Где-то звенел ручей. На ближайшей сопке тягуче завывал филин. Его крик был похож на стоны и вызывал тоску.

Далеко, у крайних юрт урочища слышались голоса и громкий раскатистый смех уходивших ребят.

Буландаш на секунду задержался, вслушиваясь в неяс-

ные шорохи ночи. Потом он завернул за угол избы. Не успел Буландаш сделать несколько шагов, как за его спиной выросло два человека. Первый из них привычным движением набросил на шею Буландаша аркан и в один миг свалил его на землю. Второй с страшной силой ударил его по голове чем-то тяжелым. После этого долго еще раздавались глухие взмахи и придушенный хрип.

В дикой злобе под выкрики филина, пользуясь ночной темнотой, классовый враг творил гнусное дело расправы над активистом комсомольцем.

Утром нашли безжизненное тело Буландаша. Он весь был в багровых пятнах кровоподтеков. Правая рука переломлена. Губы вздулись. От носа по щеке тянулась коричневая лента запекшейся крови.

Карл, увидев мертвого товарища, оцепенел. «Это Япа убил», — прошептал он.

Карл бросился в совет. Он не знал, что делать. Его охватила жгучая ненависть к Япе. Ворвавшись в комнату сельского совета, он с силой крикнул:

— Ты... Япа Аргымаев... зачем ты убил Буландаша?

Япа вскочил с места. В его глазах забегала тревога.

— Как ты смеешь обвинять меня, канзабаш, бездельник, вор! У меня есть заявление о том, что вместе с Буландашем вы сегодня ночью украли овец у старика Ойтона. Пастухи захватили Буландаша и на месте преступления избили вора... А если он подох, тем лучше... жалко, что ты не попал им в руки... Придется мне посадить тебя, как соучастника в воровстве.

Он крикнул исполнителя.

— Запри этого негодяя в мылчу¹, пускай он подумает хорошенько над тем, как воровать чужое добро.

Карл не успел опомниться, как исполнитель, известный по всему Чақыру подкулачник, бесцеремонно схватил его за шиворот и поволок в каталажку. Сунув арестованного в дверь, он крепко захлопнул ее, щелкнул железным замком, привалил для прочности бревном и зашагал обратно.

В мылче было сыро и темно.

Низкие стены густо покрыты сажей. Направо в углу чер-

¹ Мылча—баня, превращенная в арестное помещение.

нела каменка. За ней к передней стенке тянулся грязный полоч. У входа стояла кадка с ржавой протухшей водой.

Воздух был пропитан смрадом, запахом плесени, удушливыми испарениями застоявшейся грязи. Вместо окна в стене было продолговатое отверстие, шириной в одно бревно.

Карл, осмотревшись, сел на полоч. В его голове не вмещалось все то, что произошло за последние дни.

«Вот она, звериная байская ненависть,—думал он.—Неужели никто не знает, какие преступления творит в Чакыре враг советской власти Яла... Накажет ли его кто-нибудь за это... долго ли он будет издеваться над теми, кто хочет жить так, как учил Ленин, как учит партия. Буландаш мертв... его тело выбросят за ближнюю сопку¹. Волки растащут кости... прахом рассеется все, чем жил этот лучший из комсомольцев... Будут ли другие ребята продолжать начатое Буландашем дело?.. Что станется со мной? выйду ли я отсюда живым?.. Эх, если бы дать весточку партийным и комсомольским организациям города... Они бы помогли чакырским комсомольцам... Они бы положили конец байской власти».

Прошло порядочно времени.

Карл то поднимался и ощупью делал несколько шагов, то снова садился на то же место.

Время перевалило за полдень. Ему захотелось есть. Он начал стучать в дверь. Сначала он бил кулаками в толстые листовенничные доски. Делал некоторую передышку и потом с еще большей силой принимался за ту же работу. Ему никто не отвечал.

Наступил вечер.

Когда закатилось солнце и в мылче наступил полный мрак, Карл не выдержал. Он заплакал горькими слезами обиды, злости и бессилия.

Не поднимаясь на полоч, он тут же свалился рядом с каменкой и заснул тяжелым бредовым сном. С наступлением утра он снова принялся колотить в дверь. Теперь он выбирал печные камни и целыми часами методически бил в одно и то же место.

Прошел второй день. Силы его истощились. К тупому

---

¹ У алтайцев-ойротов иной раз трупы бросаются открытыми в глухом месте.

ощущению голода прибавилась неудержимая жажда. Все тело горело огнем. Губы пересохли. Он попытался пить грязную воду из стоявшей у двери кадки. Одурачивающая вонь ударила в нос. После нескольких глотков его стошнило. Желудок болезненно сжался, голова закружилась, он пошатнулся и, потеряв сознание, упал навзничь к порогу.

Ночью Карл очнулся.

Он услышал шорох за стеной и беззубый шопот старика Брыса.

— Ты не спишь, Карл? — Брыс подошел к отверстию, заменявшему окно.

— Я узнал сегодня табыш от пастухов, что Буландан убит, а ты посажен в мылчу. Я подумал, старому Брысу, пастуху комсомола, надо быть на месте... Япа, как волк, ворвался в стадо молодых ягнят... Его зубы сдирают шкуру с невинных жертв... Укусы Япы смертельны. Я оставил свою отару в горах и пошел в Чакыр. С собой я захватил пищу, которая у меня была. Вот здесь несколько кусков сушеного мяса и сырчика-курут. Ты береги их. Ешь понемногу, чтобы хватило дней на десять. А я сейчас же ночью пойду пешком в областной центр. Дней через пять я буду там. Я расскажу коммунистам и комсомольцам области, какие дела творятся в Чакыре. Они сумеют надеть узду на взбесившихся баев. Ну, прощай. Не падай духом, Карл!

— Прощай, Брыс! Буду ждать твоего возвращения.

Карл припал ухом к стене и долго еще слышал шаркающие по земле шаги удаляющегося Брыса.

Утром он проснулся бодрым, освеженным радостными мыслями, что Брыс теперь уже далеко шагает в горах.

Он запел старую песню пастухов:

Ак боронын дял алтын.

Айдышканын сос алтын¹.

Потом он взял камень и на бревне, покрытом густым налетом сажи, начертил три глубоких борозды, отмечая дни, проведенные в мылче.

Каждое утро Карл наносил новую отметку.

В день, когда он сделал седьмую царапину, в мылчу ввалился Япа.

¹ Бело-сивого коня грива золотая,
говорившего друга слова золотые.

— Ну, что, утихомирился? — спросил он Карла. — Эх, ты, глупый, бесхвостый щенок! Я говорил тебе, не связывайся с Буландашем, вот и пеняй теперь на себя!

Карл смерил его глазами.

— Уйди отсюда прочь! Убийца! Палач! Мы с тобой смертельные враги. Ты сейчас силен... Можешь радоваться... Можешь меня живьем сгноить в этой мылче. Но знай, я и мертвый потащу тебя за собой. Мы с Буландашем будем гирей висеть на твоих ногах. Партия и комсомол сильнее тебя... За смерть они отплатят.

— Так подыхай же здесь, вонючая падаля! — прошипел Япа. — Я поставлю людей, которые никого к тебе не допустят, пока ты не протухнешь... А может быть лучше будет сжечь себя в этой поганой мылче... Я еще подумаю..

Он с шумом оттолкнул дверь и снова запер на ключ.

Шли дни.

Карл потерял последние силы. Он с трудом поднимался, чтобы дотянуться до кадки, смочить пересохшее горло глотком вонючей застоявшейся воды. На десятый день он заболел. Появилась цынга. Ноги опухли, покрылись бурыми пятнами, десны кровоточили, все тело сковала тупая боль, кружилась голова, появилась сонливость, не приносящая отдыха.

Но каждое утро Карл продолжал отчеркивать на стене новый приходящий день.

Когда он ослабевшей рукою нанес четырнадцатую борозду, он подумал, — «вот она, последняя черта моей жизни».

Не успел Карл забраться на полку, как в это время произошло то, во что он не переставал верить.

За дверью звякнул замок.

В ослепительном квадрате открытой двери он увидел встревоженное лицо старого друга батрака Брыса. За его спиной стоял инструктор обкома и секретарь аймачного партийного комитета. Толпились еще какие-то люди.

Карл хотел что-то крикнуть, броситься к выходу, но истощение и болезнь взяли верх. В глаза глянула холодная ночь. Он зашатался и как подкошенный упал на руки подошедшего к нему старика Брыса.

Через три дня сессия областного суда разбирала дело

Япы Аргымаева. Табыш всколыхнул население Чакырской долины. Никогда не было так много людей на собрании, как в этот раз. Перед слушателями вскрылась вся звериная ненависть баев и кулаков к советской власти.

Лицо классовых врагов выявилось в судебном процессе во всей своей гнусности, вызывая классовую ненависть и отвращение у всех присутствующих.

На суде убийцы Буландаша сознались в том, что они сделали это за большую плату, обещанную Япой. Они рассказали все подробности. Назвали имена свидетелей, которые должны были подтвердить ложное обвинение Буландаша и Карла в воровстве овец.

Япа с Ойтоном, припертые уликами, сознались в своих преступлениях.

Самым потрясающим моментом суда был рассказ Карла. Его речь звучала с невиданной силой. В ней все увидели жизнь и борьбу комсомольцев Чакыра.

Суд приговорил Япу, как непримиримого врага советской власти, к высшей мере наказания.

★

Прошло три года.

Срок, составивший целую историческую эпоху первой пятилетки.

Страна советов за эти годы сделала гигантский шаг вперед по пути строительства социализма. Партия и рабочий класс вели упорную и успешную борьбу за ликвидацию капиталистических элементов.

Железная поступь миллионов завершила построение фундамента социализма. Советский союз из страны аграрной, отсталой, превратился в страну индустрии и крупного социалистического сельского хозяйства. Основные массы крестьянства решительно стали на путь коллективизации.

Росли совхозы, рождались фабрики зерна, животноводческие фермы, машинотракторные станции. Ленинский вопрос «кто кого» получил окончательное и бесповоротное решение в пользу социализма против капитализма как в городе, так и в деревне.

Партия, под руководством испытанного вождя тов. Сталина, вела развернутое наступление по всему фронту. Намечая пути второй пятилетки, она поставила задачу — «окон-

чательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия, преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества». (Из резолюции ХУП конференции ВКП(б).

На базе крепнущего хозяйства СССР и Сибири, на базе мощно растущей индустрии по-новому перестраивала свою жизнь Ойротия.

Рушились вековые традиции патриархальщины, исчезало варварское наследие прошлого, массы кочевников алтайцев организовали колхозы, переходили на оседлость, искореняли дикость байского произвола, с корнем вырывали остатки религиозного дурмана — бурханизма и шаманизма.

По-иному течет сейчас жизнь в Чакыре.

Так же ровно, как скатерть, стелется во все стороны Чакирская долина. Так же вдали стоят нахмурившись Коргонские и Талицкие хребты. У их подножья серебром отливают Чарыш.

Те же люди, но жизнь другая.

По склонам сопок в шелковистых травостоях купаются колхозные стада.

Радостным прибоем шумит народ во время сенокоса. Звонко стрекочут машины, убирающие траву.

Старик колхозник Брыс не отстает от других. Он, гордо подняв голову, смотрит, как растут колны, как жарко спорится труд, как дружен коллектив, создающий новую невиданную жизнь.

Он не заметил, как, свернув с дороги, под'ехал к нему молодой парень в городской одежде с небрежно сдвинутым на затылок головным убором.

Это был секретарь обкома комсомола Карл.

Соскочив с лошади, он бросился к старику.

— Брыс!.. Якши айткан!.. Не табыш бар¹. Ты все такой же, Брыс, неугомонный, все ищешь дела, все суетишься за работой. Эх, старикан мой милый, как хорошо, что ты по прежнему бодр... Не сдавай, Брыс, ты еще нужен нашей советской стройке.

---

¹ Хорошо ли все? Что нового?

— Некер Карл!¹. Откуда ты?.. вот не ожидал встретить... Ну, пойдём, пойдём, дорогой «канзабаш», я покажу тебе наше хозяйство.

Он отдал несколько коротких распоряжений бригаде и, пригласив Карла следовать за собой, зашагал по направлению к школе.

— Сейчас, на время горячих сенокосных работ, вся детвора Чарыка собрана в ясли. Здесь же в школе находится детская площадка. Ты только посмотри, что это за прекрасный молодняк растёт. Такие крепыши, просто не нарадуешься. Они будут жить не по-нашему. Счастливый народ!

В яслях и на площадке был образцовый порядок. Дети чисто вымыты. Одеты в одинаковые ситцевые платица. У старших стоял веселый гомон. От движений и смеха смуглые щеки горели румянцем. Ухаживающие за ними женщины в красных платочках выглядели довольными и радовались достигнутым успехам.

— Помнишь место, где стояла мылча, — продолжал Брыс, — тебе оно должно крепко врезаться в память, теперь мы здесь строим тёплый скотный двор. В нём будет лучше, чем мы когда-то сами жили. Хотя у нас все еще кое-кто держится старины. Никак не выгацишь из юрты. В избе-читальне теперь у нас кино-передвижка и радио установлены. Только прямо скажу тебе, скверно работают, присмотра нет. А вон, видишь, за речкой какой маслозавод мы выстроили. Думали, ничего не выйдет, в грязь, мол, вросли, по уши втискались, где уж тут думать о заводе. А получилось хорошо, завод построили, завод заставил доить коров чистыми руками, в чистую цинковую посуду, и у нас выходит не хуже, чем у других. Вот тоже с огородами... Плохо прививается это дело... Думаем несколько женщин отрядить в совхоз, — пускай подучатся.

Да, Карл, чуть было не забыл, у нас большая просьба к тебе, помоги достать хоть семян корнеплодов. Говорят, что они здесь не будут расти, а я все-таки хочу попробовать. Потом, мы тебя так не отпустим, — сделаешь на нашем колхозном собрании доклад, как идет коллективизация по об-

---

¹ Товарищ Карл!

ласти. Говорят наш аймак отстаёт. Плохо у нас заботятся об укреплении колхозов. Трудно перестраивать старое на новый лад, только я так думаю, все это уладится. Посмотришь назад и думать не хочется, чтобы старое могло вернуться.

Нет, этому не бывать!.. Япе Аргымаеву не воскреснуть... жизнь пойдёт вперед... Потому, что крепка воля рабочих, крепка у них партия Ленина, прям и ясен путь, указанный Сталиным... Хорошо жить в это время... Радостно сердцу.

Ответ. редактор В. Гуркин

Тех. редактор В. Боглаев

Тираж 8.000. 1¹/₂ печ. листа

Сдано в производство 11/V-32 г.

Подписано к печати 17/V-32 года

Статформат 148×210 мм.

Печатных знаков в одном печ. листе 46848

Новосибирск т/л № 1 ЗСКПТ. Зак. № 1893

Новосибирск. Уполсиблито А № 157 от 9/V-32 г. Огиз № 465